

киевских учебников вплоть до середины XVIII в.; поэма стала считаться источником классических образцов для различных разделов поэтической науки. Последователи Прокоповича, вдохновленные его примером, не только брали «готовый материал» из его «Поэтики», но и, как это делал Горка, — сами читали поэму и находили в ней новые ценности. Так, например, «Поэтика» 1714 г. («*Libri tres de arte poetica*»; Петров, вып. II, № 509) цитирует отрывки, приведенные Прокоповичем, и вводит прекрасное описание ночи в Песне II (строфа 96). «Канонизированные» и в «Поэтике» 1705 г., отрывки из «Освобожденного Иерусалима» фигурируют в киевских школьных рукописях чаще всего как фрагменты из произведения Кохановского, реже как сочинение их подлинного автора — Тассо; они часто упоминаются в главе «*de exercitatione*» рядом со стихами самого Прокоповича. Киевские авторы, принимая, вслед за Прокоповичем, высокую оценку «Освобожденного Иерусалима», при обсуждении вопросов поэтического стиля в течение ряда лет делали объектом критики панегирик Яна Квяткевича, получивший суровый отзыв автора «Поэтики» 1705 г.

Утвержденная авторитетом Прокоповича высокая оценка сатирических польских стихов, в особенности юмористических эпиграфий как образцов эпиграмматической поэзии, стала как бы обязательной для продолжателей Прокоповича. В своих лекциях они не только повторяли стихи, приписанные Прокоповичем Кохановскому, а также два анонимных сочинения «*Nagrobki pijanicu*», но и расширяли репертуар этого рода, вводя иногда чрезвычайно интересные произведения. Наиболее глубокое влияние на киевскую школьную практику оказали включенные в академические рукописные сборники собственные произведения Прокоповича, как вошедшие в «Поэтику», так и не вошедшие. Прокопович очень активно обращал внимание своих слушателей на новейшую литературу, на произведения, близкие современности и тематически связанные с местными условиями, на сочинения наиболее выдающихся авторов. Поэтому он стал не только авторитетом в вопросах теории, но и «классиком», одним из тех писателей, о которых говорят, которых цитируют, которым подражают. Наибольшей популярностью пользовались оба «славянских» варианта — польский и русский — переведенной им элегии Овидия («*Tristia*», lib. 1, elegia 7). Ссылаясь на них в своих курсах в 1721, 1727, 1729, 1739 и 1744 гг. (Петров, вып. II, № 316; вып. I, № 258; вып. II, № 320, 321; вып. II, №№ 326, 327) рядом с текстом Тассо, составители руководств перестали уже упоминать имя автора и сообщали только «*ab erudito viro*». Стихи «*Laudatio Borysthenis*» («Похвала Днепру») приводились в 1721, 1729, 1744 гг.; «*Elegia Alexii*» также в 1744 г., а «*Comparatio vitae monasticae cum civili*» («Сравнение жизни монастырской и светской») цитировал автор руководства 1714 г. (Петров, вып. II, № 509). Рассматривая жанр оды и «польско-славянский стих», авторы ру-